УДК 903.27(516)

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-10-9-22

Петроглифы Канцзяшимэньцзы (Синьцзян, КНР): еще раз о хронологии и семантике памятника

С. А. Комиссаров^{1,2}, Д. В. Черемисин², А. И. Соловьев²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье исследован уникальный памятник наскального искусства на территории Синьцзяна – петроглифы Канцзяшимэньцзы (уезд Хутуби). Он представляет собой ансамбль из 292 фигур, нанесенных на скальную поверхность в технике контррельефной выбивки с последующей шлифовкой. Фигуры изображены в стилизованных (танцующих) позах, мужские персонажи часто изображены с эрегированным фаллосом, в общую картину включено несколько контальных сцен. Нам представляется, что ансамбль в целом служил образительным отражением древних мистерий, связанных с родовыми или племенными культами и сакральными брачными ритуалами. Основной корпус петроглифов датируется эпохой развитой бронзы (в пределах первой половины II тыс. до н. э.), представленной на территории Синьцзяна культурой Сяохэ. В составе петроглифов можно выделить, вероятно, поздние вставки, хотя они точно вписаны в общий сюжет. Изображения «тигров» можно связать с кочевыми племенами саков (с датой в рамках первой половины I тыс. до н. э.), а антитетические изображения пары лошадей – с народом *юэчжи* (датируются в рамках II в. до н. э.). В любом случае, памятник создавался и использовался в течение долгого времени. Не исключено, что в Канцзяшимэньцзы функционировало святилище как минимум регионального значения.

Ключевые слова

петроглифы, Синьцзян, Тянь-Шань, бронзовый век, культура Сяохэ, репродуктивные обряды, фаллический культ, святилище, ритуальные танцы

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00557.

Авторы выражают глубокую признательность Лю Сюэтану, профессору Синьцзянского педагогического университета (г. Урумчи), за его советы и книги по изучаемой проблеме.

Для цитирования

Комиссаров С. А., Черемисин Д. В., Соловьев А. И. Петроглифы Канцзяшимэньцзы (Синьцзян, КНР): еще раз о хронологии и семантике памятника // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 10: Востоковедение. С. 9–22. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-10-9-22

Petroglyphs of Kangjiashimenzi (Xinjiang, PRC): Once Again about the Chronology and Semantics of the Site

S. A. Komissarov^{1,2}, D. V. Cheremisin², A. I. Solovyev²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article discusses a unique monument of rock-art on the territory of Xinjiang – namely the petroglyphs of Kangjiashimenzi (Hutubi County). The person who began scientific investigation of this site in 1987 was Professor

Wang Binghua. From that time, the issues of Hutubi petroglyphs became among the most popular topics in Chinese archaeological literature but only in a few publications in other countries and only one – in Russia. This article aims to fill this gap. The Kangjiashimenzi rock-art panel comprises 292 images of different size composed as a whole ensemble depicted using a counter-relief technique, with some grinding after. The images were given in quite stylized (dancing) poses. The male figures are often presented with an erect phallus. The picture also includes several coitus scenes. We supposed this ensemble in general served as a pictorial reflection of ancient mystery-plays connected with genus or tribal worships and with sacred wedding rituals. The main part of the petroglyphs dates to the Middle Bronze Age (circa first half of II millennium BC). On the territory of Xinjiang this period was presented by Xiaohe Culture. Within these rock-art engravings, two groups of petroglyphs, most likely, with later dates can be distinguished though they were very precisely incorporated into the ensemble. Images of 'tigers' one could connect with activity of nomad tribes of Saka (circa first half of I millennium BC), and antithetical figures of two horses – with some other nomad tribe of Yuezhi (circa II century BC). In any case, the monument with rock engravings has been created and used over quite a long time. It is very probable that Kangjiashimenzi was a functioning sanctuary, at least for the whole region.

Keywords

petroglyphs, Xinjiang, Tian-shan, Bronze Age, Xiaohe Culture, reproduction rites, phallic cult, sanctuary, ritual dances

Acknowledgements

The paper was made possible with the financial support of the RFBR, project no. 18-09-00557.

The authors would like to express their gratitude to Liu Xiaotang, Professor of Xinjiang Normal University (Urumqi) for providing his advice and books on the issues being investigated.

For citation

Komissarov S. A., Cheremisin D. V., Soloviev A. I. Petroglyphs of Kangjiashimenzi (Xinjiang, PRC): Once Again about the Chronology and Semantics of the Site. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 10: Oriental Studies, p. 9–22. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-10-9-22

Панно с древними петроглифами, обнаруженными в месте под названием Канцзяшимэнцзы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) (рис. 1), относится к той категории памятников, о которых все что-то слышали, но достоверно никто ничего не знает. В российской историографии, помимо небольшой заметки Д. В. Черемисина [1998], мы обнаружили лишь немногие ссылки на эти петроглифы в обзорных статьях, немногим лучше обстоит дело и в западных изданиях. Хотя количественно таких упоминаний больше, но, как правило, они сделаны не на страницах научной периодики, а в любительских блогах и на туристических сайтах. И это при том, что речь действительно идет об уникальном памятнике, по содержанию не уступающему петроглифам Пангудэ в Корее или, скажем, Томской писаницы в Сибири, которому посвящена обширная литература на китайском языке.

В своей статье мы постарались дать необходимые сведения о месте находки, ее датах и основном содержании, используя доступные нам китайские публикации. Первым кратко описал памятник Ли Шичан, чиновник правительства уезда Хутуби в составе Чанцзи-Хуэйского автономного округа. В 1985 г. он издал для служебного пользования «Топонимический атлас уезда Хутуби», где датировал наскальные изображения танцующих фигур периодом Северных и Южных династий (см.: [Чжан Цзяси, 2018а. С. 97]). Летом 1987 г. он сопровождал проф. Ван Бинхуа, который детально обследовал памятник и подготовил первую научную публикацию. Проехав 75 км на юго-запад от уездного центра, они углубились в предгорье Тянь-Шаня и у подножья одной из скал, сложенной из крупнозернистого песка, вышли к обширной скальной плоскости под небольшим навесом, с изображениями, нанесенными на высоте от 2,5 до 10 м от дневной поверхности. Общий размер этого панно 14 × 9 м, при этом площадь наибольшей концентрации фигур высотой примерно от 10 см до 2,4 м – вдвое меньше (ок. 60 кв. м). Изображения наносились в технике контррельефной выбивки с последующей шлифовкой. Внутри выбитых контуров сохранились следы красной, реже белой и желтой краски. Данные факты свидетельствуют о сравнительно долгих сроках создания и использования объекта. Для удобства описания и анализа Ван Бинхуа разделил изображения на девять групп [Синьцзян тяньшань..., 1990. С. 6–7], с чем согласились и другие исследователи (рис. 2, 1–8).

Рис. 1. Петроглифы Канцзяшимэньцзы (уезд Хутуби, СУАР): общий вид и детали изображений.
Снимки сделаны в 2013 г.; предоставлены Д. В. Черемисиным. Таблица подготовлена к печати А. И. Соловьевым
Fig. 1. Petroglyphs of Kangjaishimenzi (Hutubi County, Xinjiang): general view and some details of engravings.
Photos were taken in 2013; provided by D. V. Chemerisin. Illustration prepared for publishing by A. I. Solov'yev

Рис. 2. Петроглифы Канцзяшимэньцзы (уезд Хутуби, СУАР), разделенные на основные группы (по [Ван Бинхуа, 1990]): 1 – группа 7; 2 – группа 8; 3 – группа 6; 4 – группа 1; 5 – группа 4; 6 – группа 2; 7 – группа 5; 8 – группа 3; отсутствует группа 9, представленная, по сути, только одной антропоморфной фигурой. Таблица составлена А. И. Соловьевым по: [Синьцзян тяньшань..., 1990. С. 10–18]

Fig. 2. Petroglyphs of Kangjaishimenzi (Hutubi County, Xinjiang), divided into main groups [as per: Wang Binghua, 1990]: 1 – group 7; 2 – group 8; 3 – group 6; 4 – group 1; 5 – group 4; 6 – group 2; 7 – group 5; 8 – group 3; group 9 is absent because it consists only of one anthropomorphic figure. Illustration prepared for publishing by A. I. Solovyev [as per: Xinjiang tanshan..., 1990. P. 10–18]

Недавно Чжан Цзяси [2018б] опубликовал описания фигур, не входящих в основную композицию. Они были нанесены (не только выбивкой, но и краской) на скалах в западной части панно, а также на каменных блоках, лежавших возле навеса. Судя по описанию и очень нечетким фотографиям, изображения включали фигуры всадников (?) и различных животных: оленей, козлов, сходных по стилю с наскальным искусством Джунгарского Алтая; вероятно, эти фигуры относятся к более позднему периоду, чем основное панно. Мы согласны с пафосом статьи Чжан Цзяси: о том, что анализировать ансамбль петроглифов Канцзяшимэньцзы следует в едином комплексе, с учетом последних находок, но для этого необходимы их качественные копии или снимки, которые пока нам не доступны.

Что касается главной композиции, то она представлена в основном антропоморфными фигурами, изображенными в единой иконографии с рядом деталей, общих для всех, либо присущих лишь отдельным фигурам (наличие или отсутствие хвоста у мужских персонажей, ушей, «антенн-рожек», разнообразных причесок или головных уборов, возможно, украшений из перьев и т. п.). Вероятно, все персонажи представлены обнаженными, у мужчин акцентирован фаллос, у женщин выделены бедра. Встречаются фигуры с «женскими» особенностями и одновременно с фаллосом; китайские исследователи определяют их как «гермафродитов».

Можно выделить два основных типа фигур. У одних абрис подчинен подчеркнутой геометрической схеме с треугольным туловищем, который образуют широкие плечи и узкая талия, у других – туловище подпрямоугольной формы, без выделенной талии. Рядом с полными человеческими фигурами изображены парциальные: так называемые личины – изображения отделенных от туловища голов анфас с деталями лица, которые идентичны физиогномике полных фигур, а также неполные антропоморфные изображения без рук, без ног, без головы. Есть антропоморфные фигуры с двумя или с тремя головами, а также с личинами на груди.

В композиции представлены две группы схематичных человеческих фигур, стоящих в ряд друг за другом; иногда этот ряд начинается серией округлых точек, отходящих в один ряд от сцены коитуса, затем они трансформируются в шеренгу маленьких человечков, где точка становится головой. Особенно интересна композиция, в которой два фаллических персонажа осуществляют коитус с женским персонажем, и непосредственно от женской фигуры отходит ряд точек, а затем – два ряда маленьких человеческих фигур. В другой части панно есть группа, в которой отдельный ряд точек идет от лишенного головы персонажа к «личине» (или утраченной голове?), а также шеренга из человечков, идущих в сторону сидящей одиночной фаллической фигуре (местный вариант ищущих упокоения «на лоне Авраамовом»?) (рис. 2, 1).

Помимо антропоморфных персонажей, в состав панно входят изображения двух «тигров» в его левом краю, рядом со сценами коитуса, с которого, вероятно, начиналось развертывание изобразительного ряда ансамбля; две пары фигур лошадей, помещенных между антропоморфными персонажами, стоящими вертикально и обращенными друг к другу; а также редкие, недостаточно детализированные фигуры животных. В отличие от других изображений комплекса, «тигры» нанесены на скальную поверхность в технике глубокой гравировки, абрис и линии внутри туловища хищников, очевидно, обозначающие раскраску животного, прорезаны в скальной поверхности (рис. 2, 5). Можно предположить, что эти изображения не входили изначально в многофигурную композицию из нескольких групп, где основные персонажи – антропоморфы. Предположения китайских коллег о том, что эти изображения могли быть связаны с присутствием в регионе сакских племен, не лишены смысла. В то же время нельзя исключать возможность того, что группа резных петроглифов, в которую входят фигуры тигров, «сакский стиль» которых весьма условен, как и расположенных рядом три значка в виде лука со стрелой, – это составная часть ансамбля, а отличная от остальных петроглифов техника нанесения определена различиями в семантике изображений. На такую

мысль наводит весьма искусное размещение кошачьих хищников, которые вписаны в пространство скальной плоскости, образуя единое повествовательное пространство.

По вопросу датировки ансамбля петроглифов наиболее полно высказался проф. Ван Бинхуа. На основании того, что в петроглифах Канцзяшимэньцзы представлены ярко выраженные фаллические культы и ритуалы, он отнес их к развитому патриархальному обществу, которое наступает на заключительном этапе первобытной стадии развития, что в археологическом отношении, по его мнению, соответствует эпохе позднего неолита. Поэтому он считал возможным опираться на датировки памятника Сыдаогу в границах того же округа, где нашли каменный фаллический жезл, причем датировал этот «неолит» периодом от Западного Чжоу до позднего Чжаньго (X–III вв. до н. э.). Кроме того, к сопоставлению с антитетичными фигурами коней проф. Ван привлек луристанские бронзы, в составе которых действительно немало подобных композиций с наиболее вероятной датой IX–VII вв. до н. э.¹ Сюда же были добавлены сведения по времени создания индийского эпоса «Рамаяна», текст которого был привлечен для расшифровки одного из сюжетов: не раньше IV в. до н. э. – не позднее II в. н. э.²; из этого периода он выбрал наиболее удобный для его расчетов период IV–III вв. до н. э. В довершение хронологического поиска были привлечены сведения о племенах саков (*сай*), поскольку, по данным китайских летописей, именно они кочевали в регионе Тянь-Шаня во второй половине I тыс. до н. э. К тому же черты лица у антропоморфных персонажей Канцзяшимэньцзы соответствуют белой расе³ (*саки* были европеоидами); а треугольная форма головы у некоторых антропоморфов напоминает остроконечные колпаки *саков*. В итоге получилось, что петроглифы созданы сакскими племенами в первой половине I тыс. до н. э., но не ранее X в. до н. э. [Синьцзян тяньшань..., 1990. С. 32–35].

Приведенные доказательства не кажутся нам достаточно убедительными, но мы специально уделили им много места, чтобы показать, во-первых, сколь большое впечатление уникальность этого памятника произвела на Ван Бинхуа. Ему не с чем было сопоставить свое открытие, отсюда – попытка найти аналогии в самых разных сферах. Ван Бинхуа, в то время директор Института археологии и памятников материальной культуры СУАР, является одним из самых опытных и авторитетных археологов Китая. И никогда бы он не написал применительно к обычному памятнику о «неолитических саках» эпохи Чжаньго, даже без упоминания Луристана и «Рамаяны», но в данном случае ему нужна была хоть какая-то отправная точка. Во-вторых, сделанные им выводы, несмотря на их слабую обоснованность, получили распространение и поддержку в историографии. Так, Су Бэйхай [2013. С. 274–277], после многостраничного рассуждения о матриархате и патриархате (проще говоря, ни о чем), отнес создание петроглифов Хутуби к I тыс. до н. э., но не позднее III в. до н. э., и тоже связал их с сакскими племенами⁴.

Еще одну гипотезу – о том, что петроглифы Канцзяшимэньцзы созданы в рамках II в. до н. э. представителями народа *юэчжи* – выдвинул Ли Шухуй. Опровергать его рискованные сопоставления не имеет смысла ввиду их методической несостоятельности. Приведем в качестве примера лишь одно из них. Проф. Ли пишет о европеоидных чертах персонажей петроглифов, что соответствует облику *юэчжей*, которые «как раз и принадлежали к народам

¹ Проф. Л. Ванден-Берге, который создал научно обоснованную хронологию луристанских бронз, относил появление характерных черт этого искусства к XII в. до н. э., а наивысший расцвет – именно к IX–VII вв. до н. э. См.: [Древности..., 1992. С. 5].

² Выдающийся российский индолог П. А. Гринцер [1974] считает наиболее вероятным периодом создания «Рамаяны» время не ранее IV в. до н. э. и до III–IV в. н. э., когда текст оформился окончательно.

³ В более поздней статье Ван Бинхуа [2010. С. 17] указал на возможную монголоидность некоторых персонажей с высокими подчеркнутыми скулами, что соответствует современным антропологическим данным по Синьцзяну.

⁴ Рекорд в этом соревновании по начетничеству поставил Тань Фэнцзян [1992], который, правда, не был известным профессором. Он отнес петроглифы к эпохе матриархата, что, по его мнению, соответствует позднему этапу палеолита, поэтому памятник следует датировать возрастом 20 тыс. лет.

индоевропейских языков» [Ли Шухуй, 2013. С. 47], при этом автор не замечает, что сравнение (раса – язык) – из разных категорий.

Новое направление для сопоставлений, в том числе с целью датирования, обосновал Лю Сюэтан. Он определил сходные черты двух уникальных памятников: петроглифов Канцзяшимэньцзы и могильника Сяохэ. Некоторые из них являются слишком общими и не могут быть приняты во внимание (такие как насыщенность элементами фаллического культа или использование красной и белой краски для раскраски лиц), другие же заслуживают обсуждения. В частности, в Сяохэ найдены довольно многочисленные деревянные маски [Молодин, 2019] с выраженными европеоидными чертами и особо подчеркнутым носом – ту же тенденцию можно видеть и в наскальных изображениях. На возможность такой интерпретации указывает то обстоятельство, что, судя по фотографиям, кончики носа у рельефных изображений на скалах, которые должны были, как и у масок могильника, заметно выступать вперед, оказались утраченными (рис. 1, 4, 5). Добавим также напрашивающуюся аналогию масок в могилах изображениям «личин» на скалах. Остроугольные головы антропоморфов с отходящими от них одной-двумя короткими чертами, по мнению проф. Лю, изображали не высокие колпаки *саков*, а войлочные шапки с округлым верхом, как правило, украшенные перьями, которые были в моде у покойников Сяохэ. На этом основании он относит оба памятника к одному культурному потоку и временному периоду [Лю Сюэтан, 2015. С. 37–39]. В настоящее время культура Сяохэ вполне доказательно отнесена к эпохе развитой бронзы и датирована XVII–XV вв. до н. э. [Молодин, Комиссаров, 2016. С. 509]; соответственно, также к бронзовому веку предлагается отнести дату Канцзяшимэньцзы. Возможными создателями этого памятника были *тохары*, преодолевавших Тянь-Шань в своем движении с севера на юг [Лю Сюэтан, 2007. С. 48].

Любопытную аналогию предложил проф. Линь Мэйцунь [2003. С. 20–21], который указал на изображения мужчины и женщины («шаманов»), нарисованные на сосудах культуры Тяньшань-бэйлу. Он считает, что основные приемы изображения (треугольные тела, раскрытая пятерня) полностью соответствуют традиции Канцзяшимэньцзы, поэтому дата культуры, к которой относятся сосуды с росписью (примерно 1800 г. до н. э.), может быть распространена и на петроглифы. Это предположение поддержал Хань Цзянь [2018. С. 15], который, правда, без какой-либо аргументации расширил период датирования в пределах всего II тыс. до н. э.

В 2015 г. петроглифы Канцзяшимэньцзы обследовала команда Международного центра по датированию наскального искусства (ISRAD) под руководством проф. Р. Беднарика. Он провел изучение эрозии скальной поверхности и на основании полученных данных попытался датировать время нанесения выбивки. Однако полученные даты отличались слишком большим размахом – для основного корпуса, вероятно, от 2000 до 3000 л. н., но, во всяком случае, не ранее 4000 л. н. и не позднее 1500 л. н. [Bednarick, 2018. Р. 390–391]. Столь широкая «дата» для эпохи палеометалла не имеет смысла; похоже, что метод исследования микроэрозии сколов остается экспериментальным и нуждается в проверке иными способами [Дэвлет, 2002. С. 71–72].

Сведения по хронологии памятника можно также получить на основании стилистического и иконографического анализа фигур в составе ансамбля. Антропоморфные сюжеты, и прежде всего «личины», тематически доминируют в наскальном искусстве Евразии эпохи бронзы. Особо выделим сцены нападения тигра или другого хищника на человека, в том числе на антропоморфных персонажей в состоянии коитуса. В ряде подобных композиций нет воспроизведения собственно соития, однако сексуальная сфера данных сцен обозначена предельно ясно и их семантическое сходство или даже тождество очевидно. По крайней мере, в двух наскальных композициях – сценах из урочища Бичигтын-Хад в Гобийском Алтае (Монголия) и Ешки-Ольмес в Джунгарском Алатау (Казахстан) реализован один и тот же сюжет, в котором связаны сексуальный (коитальный) аспект и мотив нападения хищника на людей. По стилю можно датировать эти сцены в пределах начала – первой половины I тыс. до н. э.,

а истоки сюжета усматривать в изобразительных памятниках середины II тыс. до н. э. (для востока Евразии – окуневское и каракольское искусство, петроглифы и рисунки на плитах могильных конструкций) [Черемисин, 1998]. В то же время попытки соотнести петроглифы Канцзяшимэньцзы с наскальным искусством Тамгалы (Казахстан) и Гобустана (Азербайджан) [Чжан Цзяси, 2018а. С. 103–104] нам представляются ничем не оправданными: разные стили, разное содержание.

Что касается интерпретации других изображений в составе композиции, то возможность их «прочтения» связывается с выделением нижеследующих смысловых блоков (речь идет об искусственной «раскадровке» единого изобразительного поля):

- мужские персонажи с гипертрофированным фаллосом как манифестация производительной потенции индивида и «родового тела» (?);
- парциальные фигуры и «отделенные» от тел «личины» – головы или маски (?), обезглавленные и другие неполные, возможно, расчлененные (?) тела;
- «инкорпорированные» друг в друга и многоголовые персонажи – демонстрация «соединения» ранее разъятого, расчлененного (?);
- ряды точек, отходящие от сцены коитуса и превращающиеся в ряды крошечных человеческих фигур – моделирование генерации рода от зачатия до смерти, отражение связи предков и потомков.

Отдельно следует подчеркнуть иконографическое сходство (за исключением деталей) всех антропоморфных образов как явное указание на родство воспроизведенных персонажей. Большинство фигур показаны в динамике, исполняющими некий танец как непременный элемент обряда. По мнению Лю Сюэтана, устойчиво повторяющаяся поза «танцоров диско» (правая рука согнута в локте и поднята вверх, левая – соответственно, опущена вниз) воспроизводит символ свастики, который имел самое широкое распространение на территории Евразии, начиная с эпохи раннего неолита, и выступал символом плодородия, в первую очередь женского [Лю Сюэтан, 2015. С. 42–45; Он же, 2016. С. 87–92].

В результате проведенного анализа можно констатировать единство большей части композиции, содержание которой является наиболее полным и подробным изобразительным отражением древних мистерий, связанных с родовыми или племенными культами и сакральными брачными ритуалами. Содержание ансамбля петроглифов Канцзяшимэньцзы поддается расшифровке в контексте мифологии населения Евразии эпохи бронзы – раннего железа как отражение представлений о натальных, инициационных и посмертных превращениях человека, о модели существования рода или племени в природно-космических циклах, о трансформациях индивидуального и родового организма (так называемого «родового тела» социума). Вероятно, в Канцзяшимэньцзы запечатлены кульминационные моменты конкретного обряда, воспроизводящего космо- или этногонические сюжеты архаической мифологии. Гипотетически можно предположить, что на скальной плоскости обозначены члены рода в момент оргиастического брачного ритуала, воплощающего культово-генеалогический миф.

Особо следует сказать о двух парах антитетически изображенных лошадей, поскольку именно их китайские коллеги связывают с культом «коня-предка» и магией плодородия и определяют как «танец жертвоприношения лошади», «обряд мольбы о плодородии». Возможную расшифровку содержания композиции они предлагают искать в описании обряда *ашвамедха* – ритуала заклания лошади – в эпической поэме индоариев «Рамаяна». Впервые на такую возможность указал Ван Бинхуа, а остальные лишь ссылались на его исследование, без непосредственного обращения к тексту памятника. Между тем в предложенной интерпретации много неясного. Во-первых, нам непонятно, каким текстом «Рамаяны» пользовался проф. Ван. Его описание обряда не просто отличается от классического варианта, записанно-

го на санскрите (Рамаяна Вальмики)⁵, но и содержит необъяснимые ошибки [Синьцзян тяньшань..., 1990. С. 33–34, 44]. И дело даже не в том, что Дашаратха был царем Айодхьи (на севере Индии), а никак не Цейлона (т. е. Ланки, где царствовал Равана, антагонист Рамы). В описании Ван Бинхуа место главной жертвы отводится кобылице. Но в оригинале это конь, с телом которого главная царица проводит ночь, после чего у нее рождается сын. В таком варианте можно видеть ясное указание на совоплощение царицы с жеребцом, которого в данном случае вряд ли смогла заменить кобылица. Во-вторых, в обряде *ашвамедха* царица и убивает, и вступает в связь с одним жеребцом, тогда как на петроглифах Канцязшимэньцзы лошади даны парами (одна пара жеребцов, вторая, возможно, жеребец и кобыла) (рис. 2, 4). Такое их тесное соединение само по себе является сюжетом, который можно связать, скорее, с культом божественных близнецов Ашвинов, о котором, правда, мало что известно. В любом случае, это – близнечный культ, связанный с фратриальной организацией древнего общества. Ашвины также почитались как колесничные солярные божества; в качестве таковых они участвуют в небесной свадьбе солнечной девы и бога Луны; указания на более тесные связи этого образа с культами плодородия нам неизвестны. К тому же, в-третьих, конские изображения, возможно, не имели прямой связи с композицией в целом. Как полагал Чэнь Дунци [1991. С. 51], большие фигуры в группе 1 (рис. 2, 4) тесно связаны между собой, плотно заполняют пространство, поэтому маленькие парные фигурки лошадей, повернутых друг другу, вероятно, нанесли позднее, втиснув в свободное пространство. По своей структуре эти фигурки похожи на родовые эмблемы; их могли аккуратно вписать в сакральный текст петроглифов как знак уважения и своеобразный вклад в проводимый обряд. И, в-четвертых, только этот сюжет находит прямые аналогии в памятниках наскального искусства Евразии. Так, в комплексе петроглифов местонахождения Теректы Аулие (казахский мелкосопочник, Центральный Казахстан), 90 % изображений которого приходится на образ лошади, трижды встречен тот же сюжет – две противопоставленные вертикально стоящие фигуры лошадей [Самашев и др., 2013. С. 55, 123, 129]. По мнению З. С. Самашева, лошади показаны как жеребцы «в позе боя», хотя половые признаки коней не воспроизведены. Иконография лошадей с выделенными нависающими челками соответствует сейминско-турбинской образительной традиции [Там же. С. 128–136]. Эти аналогии лишний раз укрепляют наши аргументы относительно датировки синьцзянского наскального памятника.

В заключении еще раз подчеркнем главную характеристику ансамбля Канцязшимэньцзы – его уникальность. Нам не известны более или менее близкие аналогии ему среди петроглифов Евразии, хотя воспроизведение сцен соития, фантастических антропоморфных персонажей и «личин» присутствуют в репертуаре отдельных евразийских памятников наскального искусства бронзового века.

Китайские авторы отмечают, что предельная концентрация изображений в одном месте отличает Канцязшимэньцзы от других петроглифов Синьцзяна, которые встречаются часто, но обычно разбросаны на обширной территории. Очевидно, место было выбрано специально, у подножья горы, которая защищает от господствующего холодного ветра, под скальным навесом, укрывающим от дождя и снегопада. В 30 м бьет родник, который местные казахи называют «Священная вода» – таким образом, перед нами идеальная площадка для проведения племенных ритуалов [Ван Айцзюнь и др., 2006. С. 3]. О том, что святилище использовалось довольно долго, свидетельствует слой золы и пепла мощностью св. 2 м в контрольной траншее, заложенной на площадке перед памятником [Ван Бинхуа, 2010. С. 18]. Не исключено, что здесь функционировало святилище как минимум регионального значения [Там же. С. 18–19].

Из рассмотренных датировок, на наш взгляд, наиболее обоснованным выглядит отнесение Канцязшимэньцзы к развитому бронзовому веку, с датой в рамках первой половины II тыс.

⁵ Текст 14-й главы (сарга), в которой описан обряд *ашвамедха*, см.: Valmiki Ramayana: Bala Kānda: Book 1. Bala Kanda – Youthful Majesties: Chapter (Sarga) 14 // Desiraju Hanumanta Rao & K. M. K. Murthy public site. URL: https://www.valmikiramayana.net/utf8/baala/sarga14/bala_14_frame.htm (дата обращения 01.09.2020).

до н. э. [Чжан Фан, 2014. С. 12]. Соответственно, мы можем также говорить о возможной связи этих петроглифов с культурой Сяохэ. Впрочем, такой вывод не отрицает полностью «сакскую» и «юэчжийскую» гипотезы, поскольку первая опирается в основном на сюжет с «тиграми», а вторая – на антитетические фигуры двух лошадей, которые, вероятно, представляют собой более поздние включения в единую композицию, воплотившую очень сложный обряд в рамках культа репродуктивности и плодородия.

Список литературы

- Гринцер П.** Великий эпос Индии // Махабхарата. Рамаэна / Пер. с санскр. С. Липкина, В. Потаповой. М.: Худож. лит., 1974. С. 5–22.
- Древности страны луров / Отв. ред Е. В. Зеймаль. СПб.: Гос. Эрмитаж; Королевский музей искусства и истории, Брюссель, 1992. 128 с.
- Дэвлет Е. Г.** Памятники наскального искусства: Изучение, сохранение, использование. М.: Науч. мир, 2002. 240 с.
- Молодин В. И.** Деревянные маски культуры сяохэ // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. № 2. С. 7–19. DOI 10/18503/1992-0431-2019-2-64-7-19
- Молодин В. И., Комиссаров С. А.** Культура Сяохэ // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. М.: Вост. лит., 2016. Т. 1. С. 509–512.
- Самашев З., Байтлеу Д., Курманкулов Ж.** Петроглифы Теректы Аулие. Астана: Филиал Ин-та археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2013. 240 с.
- Черемисин Д. В.** Опыт интерпретации наскальной композиции из Канзяшимэньцзы (Синьцзян) // Междунар. конф. по первобытному искусству: Тез. докл. Кемерово: КемГУ, 1998. С. 150–152.
- Bednarick R. G.** The 2015 rock art expedition in Xinjiang Uygur autonomous region // 岩画研究: 2015 [Яньхуа яньцзю: 2015]. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 2016. С. 382–400.
- Ван Бинхуа.** Хутубисянь канцзяшимэньцзы шэнчжи чунбай яньдяокэхуа [王炳华. 呼图壁县康家石门子生殖崇拜岩雕刻画 // 新疆古代民族文化论集]. Выгравированные петроглифы, изображающие культ плодородия, в Канцзяшимэньцзы, уезд Хутуби // Синьцзян гудай миньцзу вэньхуа луныцзи [Сб. статей по культуре древних народов Синьцзяна]. Урумчи: Синьцзян дасюэ чубаньшэ, 1990. С. 35–62.
- Ван Бинхуа.** Канцзяшимэньцзы яньхуа тоулудэ лишэ вэньхуа синьси [王炳华. 康家石门子岩画透露的历史文化信息 // 文史知识]. Выявленная историко-культурная информация о петроглифах Канцзяшимэньцзы // Вэньши чжиши. 2010. № 2. С. 14–19.
- Ван Айцзюнь, Ху Сюэцзюнь, Сяо Чжицян.** Синьцзян хутуби канцзяшимэньцзы яньхуа таньси [王爱军、胡学军、肖志强. 新疆呼图壁康家石门子岩画探析 // 石河子大学学报: 哲学社会科学版]. Анализ петроглифов Канцзяшимэньцзы, уезд Хутуби, Синьцзян // Шихэцзы дасюэ сюэбао: чжэсюэ шэхуйсюэ бань. 2006. Т. 20, № 3. С. 1–3.
- Ли Шухуй.** Канцзяшимэньцзы яньхуадэ чуанцзочжэ хэ чуанцзо няньдай [李树辉. 康家石门子岩画的创作者和创作年代 // 西北民族大学学报: 哲学社会科学版]. Создатели петроглифов Канцзяшимэньцзы и дата их создание // Сибэй миньцзу сюэюань сюэбао: чжэсюэ шэхуйсюэ бань. 2013. № 4. С. 46–52.
- Линь Мэйцунь.** Тухоложэньдэ циюань юй цянсьи [林梅村. 吐火罗人的起源与迁徙 // 西域研究]. Происхождение и миграции тохаров // Сиюй яньцзю. 2003. № 3. С. 9–23.
- Лю Сюэтан.** Фэнчань ушу: юаньши цзунцзяодэ игэ кэсинь [刘学堂. 丰产巫术: 原始宗教的一个核心 // 新疆师范大学 (哲学社会科学版)]. Производительная магия: сердцевина первобытной религии // Синьцзян шифань дасюэ (чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань). 2007. Т. 28, № 2. С. 46–52.

- Лю Сюэтан.** Цинтун чангэ [刘学堂. 青铜长歌]. Гимн бронзы. Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 2015. 175 с.
- Лю Сюэтан.** Цайтао юй цинтундэ дуйхуа [刘学堂. 彩陶与青铜的对话]. Диалог расписной керамики и бронзовых изделий. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2016. 252 с.
- Синьцзян** тяньшань шэнчжи чунбай яньхуа [新疆天山生殖崇拜岩画]. Культ плодородия на петроглифах Тянь-Шаня, Синьцзян / Отв. ред. Ван Бинхуа. Пекин: Вэньу чубаньшэ, [1990]. 105 с.
- Су Бэйхай.** Синьцзян янькэхуа [苏北海. 新疆岩刻画]. Петроглифы [выбитые и резные] Синьцзяна. Урумчи: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 2013. 591 с.
- Тань Фэнцзян.** Гуаньюй синьцзян хутубисянь дасин «шэнчжи чунбай» яньхуадэ шидай вэньти [谭逢江. 关于新疆呼图壁县大型“生殖崇拜”岩画的时代问题 // 六盘水师专学报 (社科版)]. О проблемах датирования крупномасштабных петроглифов [со сценами] «культы репродуктивности» в уезде Хутуби, Синьцзян // Люпаньшуй шичжуань сюэбао (шэкэ бань). 1992. № 2. С. 40–45.
- Хань Цзянье.** Люэлунь синьцзян дицуюй сыцяньняньдэ саманьши жэньу синсян [韩建业. 略论新疆地区四千年的萨满式人物形象 // 岩画研究: 2018]. Человеческие образы шаманского типа за четыре тысячи лет в регионе Синьцзяна // Яньхуа яньцзю: 2018. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 2018. С. 9–17.
- Чжан Цзяси.** Канцзяшимэньцзы яньхуа дяоча юй яньцзю чжи [张嘉馨. 康家石门子岩画调查与研究之一 // 岩画研究: 2018]. Обследования и исследования петроглифов Канцзяшимэньцзы (1) // Яньхуа яньцзю: 2018. Инчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 2018a. С. 95–107.
- Чжан Цзяси.** Канцзяшимэньцзы яньхуа дяоча юй яньцзю чжиэр [张嘉馨. 康家石门子岩画调查与研究之二 // 岩画研究: 2018]. Обследования и исследования петроглифов Канцзяшимэньцзы (2) // Яньхуа яньцзю: 2018. Инчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 2018b. С. 51–62.
- Чжан Фан.** Канцзяшимэньцзы яньхуа яньцзю чуи [张芳. 康家石门子岩画研究刍议 // 昌吉学院学报]. Скромное мнение по исследованию петроглифов Канцзяшимэньцзы // Чанцзи сюэюань сюэбао. 2014. № 1. С. 9–13.
- Чэнь Чжаофу.** Гудай яньхуа [陈兆复. 古代岩画]. Древние петроглифы. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2002. 248 с.
- Ян Ян.** Канцзяшимэньцзы яньхуа: таньцзю сиванму вэньхуа фухао [杨阳. 康家石门子岩画: 探究西王母文化符号 // 中国社会科学报]. Петроглифы Канцзяшимэньцзы: исследование культурных символов Сиванму // Чжунго шэхуй кэсюэ бао (эл. изд-е). 17.08.2017. URL: http://sscp.cssn.cn/xkpd/bowu/201708/t20170817_3612606.html (дата обращения 01.09.2020).

References

- Bednarick R. G.** The 2015 rock art expedition in Xinjiang Uygur autonomous region. In: Yanhua yanjiu: 2015 [岩画研究: 2015]. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe, 2016. P. 382–400.
- Chen Zhaofu.** Guadai yanhua [陈兆复. 古代岩画]. Ancient petroglyphs. Beijing, Wenwu chubanshe, 2002. 248 p. (in Chin.)
- Cheremisin D. V.** Opyt interpretatsii naskal'noi kompozitsii iz Kanzyashimen'tszy (Sin'tszyan) [An attempt of interpretation of rock-art composition in Kangjiashimenzi (Xinjiang)]. In: Mezhdunar. konf. po pervobytnomu iskusstvu: Tez. dokl. [Int. conference on the problems of primitive art: Abstracts], Kemerovo, Kemerovo State Uni. Press, 1998, p. 150–152. (in Russ.)

- Devlet E. G.** Pamyatniki naskal'nogo iskusstva: Izuchenie, sokhranenie, ispol'zovanie [Rock-art monuments: Investigation, preservation and utilization]. Moscow, Scientific World Publ., 2002, 240 p. (in Russ.)
- Drevnosti strany lurov [Antiquities of Lurs' country]. Ed. by E. V. Zeimal. St. Petersburg, State Hermitage, Bruxelles, Musées royaux d'Art et d'Histoire, 1992, 128 p. (in Russ.)
- Grintser P.** Velikii epos Indii [The great epos of India] In: Makhabkharata. Ramayana. Transl. from Sanskrit by S. Lipkina, V. Potapova. Moscow, "Belles-lettres" Publ., 1974, p. 5–22. (in Russ.)
- Han Jianye.** Lue lun xinjiang diqu siqianniande samanshi renwu xingxiang [韩建业。略论新疆地区千年的萨满式人物形象 // 岩画研究: 2018]. A brief discussion of shamanistic characters four thousand years ago in Xinjiang. In: Yanhua yanjiu: 2018. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe, 2018, p. 9–17. (in Chin.)
- Li Shuhui.** Kangjiashimenzi yanhuade chuanguozhe he chuanguo niandai [李树辉。康家石门子岩画的创作者和创作年代 // 西北民族大学学报: 哲学社会学]. Creators of the Kangjiashimenzi petroglyphs and the dates of their creation. *Xibei minzu xueyuan xuebao: zhexue shehuixue ban*, 2013, no. 4, p. 46–52. (in Chin.)
- Lin Meicun.** Tuhuoluorende qiyan yu qianxi [林梅村。吐火罗人的起源与迁徙 // 新疆文物]. The origin and migrations of the Tocharians. *Xiyu yanjiu*, 2003, no. 3, p. 9–23. (in Chin.)
- Liu Xuetao.** Fengchan wushu: yuanshi zongjiaode yige hexin [刘学堂。丰产巫术: 原始宗教的一个核心 // 新疆师范大学 (哲学社会科学版)]. Productive magic: the core of primitive religion. *Xinjiang shifan daxue (zhexue shehui kexue ban)*, 2007, vol. 28, no. 2, p. 46–52. (in Chin.)
- Liu Xuetao.** Qingtong changge [刘学堂。青铜长歌]. Hymn of bronze. Lanzhou: Gansu renmin chubanshe, 2015. 175 p. (in Chin.)
- Liu Xuetao.** Caitao yu qingtongde duihua [刘学堂。彩陶与青铜的对话]. Dialogue between painted ceramics and bronze implements. Beijing, Shangwu yinshuguan, 2016, 252 p. (in Chin.)
- Molodin V. I.** Wooden masks of the Xiaohe Culture. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology, culture]*, 2019, no. 2, p. 7–19. (in Russ.) DOI 10/18503/1992-0431-2019-2-64-7-19
- Molodin V. I., Komissarov S. A.** Kul'tura syaokhe [Xiaohe Culture]. In: Istoriya Kitaya s drevney-shikh vremen do nachala XXI veka [The history of China from ancient times to the beginning of the 21st century]. Moscow, Oriental Literature Publ., 2016, vol. 1, p. 509–512. (in Russ.)
- Samashev Z., Baitleu D., Kurmankulov Zh.** Petroglify Terekty Aulie [Petroglyphs of Terekty Aulie]. Astana, Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan Publ., 2013, 240 p. (in Russ.)
- Su Beihai.** Xinjiang yankehua [苏北海。新疆岩刻画]. Petroglyphs [carved and pecked] of Xinjiang. Urumqi, Xinjiang meishu shying chubanshe, 2013, 591 p. (in Chin.)
- Tan Fengjiang.** Guanyu xinjiang hutubixian daxing "shengzhi chongbai" yanhuade shidai wenti [谭逢江。关于新疆呼图壁县大型“生殖崇拜”岩画的时代问题 // 六盘水师专学报 (社科版)]. On the problems of chronology of the large-scale petroglyphs with "fertility worship" [scenes], Hutubi County, Xinjiang. *Liupanshui shizhuan xuebao (sheke ban)*, 1992, no. 2, p. 40–45. (in Chin.)
- Wang Aijun, Hu Xuejun, Xiao Zhiqiang.** Xinjiang hutubi kangjiashimenzi yanhua tanxi [王爱军、胡学军、肖志强。新疆呼图壁康家石门子岩画探析 // 石河子大学学报: 哲学社会学版]. Analysis of petroglyphs at Kangjiashimenzi, Hutubi County, Xinjiang. *Shihezi daxue xuebao: zhexue shehuixue ban*, 2006, vol. 20, no. 3, p. 1–3. (in Chin.)
- Wang Binghua.** Hutubixian kangjiashimenzi shengzhi chongbai yandiaokehua [王炳华。呼图壁县康家石门子生殖崇拜岩雕刻画 // 新疆古代民族文化论集]. Engraved petroglyphs with

- fertility worship in Kangjiashimenzi, Hutubi County. In: Xinjiang gudai minzu wenhua lunji [Collection of papers on the ancient peoples' cultures of Xinjiang]. Urumqi, Xinjiang daxue chubanshe, 1990, p. 35–62. (in Chin.)
- Wang Binghua.** Kangjiashimenzi yanhua toulude lishi wenhua xinxi [王炳华. 康家石门子岩画透露的历史文化信息 // 文史知识]. Discovered information about history and culture of Kangjiashimenzi petroglyphs. *Wenshi zhishi*, 2010, no. 2, p. 14–19. (in Chin.)
- Xinjiang** tianshan shengzhi chongbai yanhua [新疆天山生殖崇拜岩画]. Fertility cult on petroglyphs of Tianshan, Xinjiang. Ed. by Wang Binghua. Beijing, Wenwu chubanshe, [1990], 105 p. (in Chin.)
- Yang Yang.** Kangjiashimenzi yanhu: tanjiu xiwangmu wenhua fuhao [杨阳. 康家石门子岩画: 探究西王母文化符号 // 中国社会科学报]. Petroglyphs of Kangjiashimenzi: study of culture. *Zhongguo shehui kexue bao (electronic edition)*, 17.08.2017. (in Chin.) URL: http://sscp.cssn.cn/xkpd/bowu/201708/t20170817_3612606.html (date of access: 01.09.2020).
- Zhang Fang.** Kangjiashimenzi yanhua yanjiu chuyi [张芳. 康家石门子岩画研究刍议 // 昌吉学院学报]. Humble opinion about investigations of Kangjiashimenzi petroglyphs. *Changji xueyuan xuebao*, 2014, no. 1, p. 9–13. (in Chin.)
- Zhang Jiayi.** Kangjiashimenzi yanhua diaocha yu yanjiu zhiyi [张嘉馨. 康家石门子岩画调查与研究之一 // 岩画研究: 2018]. Investigation and research on Kangjiashimenzi rock art (1). In: *Yanhua yanjiu*: 2018. Yinchuan, Ningxia renmin chubanshe, 2018, p. 95–107. (in Chin.)
- Zhang Jiayi.** Kangjiashimenzi yanhua diaocha yu yanjiu zhier [张嘉馨. 康家石门子岩画调查与研究之二 // 岩画研究: 2018]. Investigation and research on Kangjiashimenzi rock art (2). In: *Yanhua yanjiu*: 2018, Yinchuan, Ningxia renmin chubanshe, 2018, p. 51–62. (in Chin.)
- Zhang Lei, Zhang Junjian, Wen Yonglong.** Xinjiang kangjiashimenzi yanhua kaogu you xin tupo [张雷、张军剑、文永龙. 新疆康家石门子岩画考古有新突破]. New breakthrough in archaeology of Kangjiashimenzi petroglyphs, Xinjiang. *Zhongguo kaogu* (site of the Institute of Archaeology, CASS), 07.11.2015. (in Chin.) URL: <http://www.kaogu.cn/cn/xccz/20161107/56031.html>. (date of access: 01.09.2020).

Материал поступил в редколлегию
Received
01.09.2020

Сведения об авторах

- Комиссаров Сергей Александрович**, кандидат исторических наук, профессор кафедры востоковедения и Института Конфуция ГИ НГУ, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)
sergai@mail.ru
- Черемисин Дмитрий Владимирович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)
topsy@bk.ru
- Соловьев Александр Иванович** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)
[easolovievy@mail.ru](mailto: easolovievy@mail.ru)

Information about the Authors

Sergey A. Komissarov, PhD, Professor at the Department of Oriental Studies and Confucius Institute of the Humanitarian Institute, Novosibirsk State University, Senior Research Associate of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
sergai@mail.ru

Dmitry V. Cheremisin, PhD, Senior Research Associate of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
topsy@bk.ru

Aleksandr I. Solov'ev, Doctor Habilitatus (History), Leading Research Associate of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
easolovievy@mail.ru